

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 623.718

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

AÑO XI

Buenos Aires, Jueves, 24 de septiembre de 1959

Буэнос Айрес, четверг 24 сентября 1959 года № 504

Н. Потоцкий

ВЕЛИКИЙ РАЗЛАГАТЕЛЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Для установки правильных суждений о причинах Февральского переворота 1917 года будущий российский историк получит для своего беспристрастного анализа горы написанных и напечатанных в первые десятилетия после этого события материалов. Эту причину он, конечно, найдет если не много, то во всяком случае несколько: катастрофы, происходящие с великими империями, не могут быть порождены одним каким-нибудь фактором. Но смею высказать предположение, что одной из главных причин того рокового события, когда наша Родина сошла с рельс своего державного пути к величию, мощи и славе и свалилась под откос, в глубине которого ее ожидали болота грязи и крови, этот историк признает все-таки тот факт, что к этому историческому моменту достигло своего кульминационного пункта духовное разложение двух основных слоев нашего ведущего класса: его правящей верхушки и, в особенности, ближайшего окружения Царя-Мученика, который, пожалуй, был этим мучеником еще задолго до своего трагического конца, и левого большинства нашей интеллигенции, оторвавшегося от основных устоев русского народного духа.

Анализируя факт этого разложения, этот историк, несомненно, захочет установить, в свою очередь, причины и факторы этого разложения. И вот, если в этой области своей исследовательской работы он ограничится только вышеупомянутыми материалами, накопленными современниками и ближайшими наследниками великого крушения нашей страны, то он рискует оставить вне поля своего анализа один фактор, о котором в колоссальной гряде этих материалов, насколько мне известно, не говорится ничего, а именно тот несомненный факт, что этому духовному упадку и загниванию большинства нашей тогдашней национальной элиты на протяжении нескольких последних перед переворотом десятилетий мощно содействовал один из главнейших персонажей этой элиты — граф Лев Толстой.

Это на первый взгляд чудовищное обвинение мы высказываем с полным сознанием своей моральной ответственности, ибо опираемся в нем на факты, которые невозможно не признать совершенно неопровержимыми, поскольку они являются мыслями страшной разрушительной и разлагающей силы, зафиксированными на бумаге и брошенных в качестве духовной пищи самим их автором.

В самом деле, в лучах того духовного просветления, которое пережили в результате своих страданий миллионы русских людей за последние четыре десятилетия, наиболее искренние, честные перед самими собою и имеющие гражданское мужество результаты своих выводов из всего пережитого высказывать открыто, категорически утверждают, что основными нетленными — подлинно нетленными — ценностями и организационными устоями России, как таковой, на ее многовековом историческом пути, были три могущественных в духовном и социальном отношении фактора: Вера, Царь и Отечество. Те явные и тайные силы, которые стремились организовать великое крушение нашего державного корабля, мобилизовали и направляли все свои усилия на подрыв и взрыв именно этих основ могущества нашей страны. Если же мы прочтем все, так называемые, религиозно-философские произведения Л. Толстого, то у нас

не останется никакого сомнения в том, что они занимали чрезвычайно значительный участок фронта борьбы против духовных и общественных основ русской жизни и в конечном результате сокрушили не мало юных — и даже не юных — душ, поселив в них не только равнодушие, но и полное презрение и явную враждебность к основным духовным и социальным скрепам русского национального организма.

Вера. — Мыслим ли духовно полноценный православный русский человек без глубочайшей и безоговорочной веры в догматы нашей Церкви и без своей сознательной принадлежности к ней, как к своей Матери, как к духовному фундаменту Святой Руси? И если “врата адавы” стремились, как и сейчас стремятся, подорвать самые основы этой веры, то не сам ли дьявол соблазнил и бросил на борьбу с этой главнейшей сокровищницей русского народного духа интеллект такого масштаба, каким обладал “великий писатель земли русской”?

И этот великий “миссионер” вполне оправдал надежды своего вдохновителя и учителя. С жгучей злобой и ненавистью обрушился он на Русскую Православную Церковь, с поразительно бездушным цинизмом надругался он над лучшими чувствами “малых сих”, которые, по завету Спасителя, как дети, просто и беззаветно верили своим духовным пастырям, их предшественникам отцам Церкви, апостолам и Самому Христу. И вот, в своей “Критике догматического богословия”, отрекшись от Христа, как от Сына Божия и признавая Его простым человеком, издеваясь над Святой Троицей, над догматом Промысла Божия и Божественного искупления наших грехов Спасителем мира, Лев Толстой сделал следующий вывод:

“И я понял, наконец, что это вероучение, в котором мне казалось тогда, что выражается вера народа, что все это не только ложь, но обман, сложившийся веками и имеющий определенную и низменную цель. Я нашел в этих учениях (т. е. в богословских книгах. Н. П.) не только бессмысленность, но и сознательную ложь людей, избравших веру средством для достижения каких-то своих целей”.

Нагло и пошло надсмеваясь над величайшим таинством христианской Церкви, Евхаристией, Толстой стремился нанести удар в самую глубину души верующих людей и при этом проявил самое гнусное лицемерие: признавая в Евангелии, как единственно обязательные для христианина заповеди, только слова Самого Христа, Толстой, если бы даже он считал себя правым в отрицании великой тайны пресуществления Св. Даров, обязан был все-таки причастаться хотя бы в какой-нибудь протестантской или баптистской общине, чтобы соблюсти слова Христа: “снетворите в Мое воспоминание”, — но и этого он не сделал никогда. До какого извращения учения Христа дошел Толстой, видно из совершенно недвусмысленного определения его мировоз-

зрения как атеизма, определения, сделанного таким беспристрастным в данном случае свидетелем, как... В. Маклаков. Изложив основные положения учения Толстого, Маклаков пишет:

“Таково в кратких чертах метафизическое построение Толстого, которое позволило ему сочетать неверие в Бога, в бессмертие души и в загробную жизнь с принятием учения Христа, как учителя жизни”. (Подчеркнуто мною. Н. П.)

Ведь это издевательство над самым простым здравым смыслом! Как можно быть последователем Христа, постоянно учившего о Боге-Отце и о будущей жизни для нашей бессмертной души, отрицая все это? И Маклаков приводит откровенное признание самого Толстого:

“Если бы я считал Христа не человеком, а Богом, Христос потерял бы для меня все свое обаяние”.

Царь и Отечество. — Духовной основой действительного служения двум этим устоям Св. Руси является для нас патриотизм. Надо было следовательно подорвать и взорвать и эту духовную основу русской жизни. Толстой решил выполнить эту задачу, издав в 1894 г. свою брошюру “Христианство и патриотизм”. Приведем несколько наиболее существенных цитат из этого “произведения”, начиная с совершенно детского (чтобы не сказать глупого) представления о причинах современных войн:

“Все мы считаем себя свободными, образованными, гуманными людьми и даже христианами и между тем все мы находимся в таком положении, что если завтра Вильгельм обидится на Александра, или г. Н. Н. напишет бойкую статью о восточном вопросе, или какой-нибудь принц ограбит каких-нибудь болгар или сербов, или какая-нибудь королева или императрица обидится на что-нибудь, то мы все, образованные, гуманные христиане, должны идти убивать людей, которых мы не знаем и к которым дружески расположены, как и ко всем людям. И не успеем мы оглянуться, как на столбах газет появится обычное злоеющее нелицеприязненное: “Божией милостью, мы, самодержавнейший великий государь всей России, царь польский, великий князь Финляндский и проч., и проч., объявляем всем нашим верным подданным, что для блага этих вверенных нам Богом любезных подданных мы сочли своей обязанностью перед Богом послать их на убийство. С нами Бог!” и т. д.”

“Зазвонят в колокола, оденутся в золотые мешки долговолосые люди и начнут молиться за убийство”.

“Я прожил полвека среди русского народа и в большой массе настоящего русского народа в продолжение всего этого времени ни разу не видел и не слышал проявления и выражения чувства патриотизма. Напротив, беспрестанно, от самых серьезных и почтенных людей народа я слышал выражения совершенного равнодушия и даже презрения ко всякого рода проявлениям патриотизма”.

“Русский народ самый свободный от обмана патриотизма и от преданности вере, царю и отечеству”.

“Что же такое это высокое чувство? Чувство это есть ни что иное, как предпочтение своего государства или народа всякому другому государству или народу. Нельзя не видеть, что чувство это вовсе не высокое, а напротив, очень глупое и очень безнравственное. Это чувство в наше время не только не есть добродетель, но несомненный порок; чувства этого, т. е. патриотизма в истинном его смысле в наше время и не может быть, потому что нет для него ни материальных, ни нравственных оснований”. “В прежнее время патриотизм был нужен для образования объединенных из разных народностей и защищенных от варваров сильных государств. Но как скоро христианское просвещение одинаково преобразило все эти государства, дав им одни и те же основы, патриотизм стал уже не только не нужен, но стал единственным препятствием для того единения между народами, к которому они готовы по своему христианскому сознанию”. “Патриотизм в самом простом, ясном и несомненном значении своем есть ни что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых — отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто у власти”.

По поводу этих совершенно абсурдных утверждений “великого ума” приходится только пожалеть, что Толстой не дожил до наших дней, чтобы удостовериться, насколько патриотизм устарел и является только каким-то отжившим пережитком прошлого. Он увидел бы, насколько “готовыми для своего единения” являются современные государства “по своему христианскому сознанию”. Он констатировал бы, как “христианское просвещение одинаково преобразило все эти государства”, когда бы узнал о разрушении целых городов и об убийстве тысяч и тысяч женщин, детей и стариков летчиками этих самых христиански просвещенных государств. Он увидел бы, что русскому народу пришлось защищать свое национальное достоинство от таких же варваров в лице Гитлера, Розенберга и Ко, существование которых он, Толстой, относит только к “прежним временам”. И, быть может, у него хватило бы ума признать, что патриотизм есть совсем не “предпочтение своего государства или народа всякому другому”, органическая и живая любовь к своей стране, даже если бы она была хуже, некрасивей, беднее, чем другие, и осознание своего долга защищать свою землю, своих близких, своих сограждан, все ценности родной земли, напленные нашими предками, от всякого рода захватчиков и варваров, которые еще далеко не перевелись и ни к какому подлинно христианскому сознанию еще не приобщились или его же просто потеряли.

Как мог автор “Войны и Мира” и “Севастопольских рассказов” самоуверенно заявлять, что в русских массах он никогда не видел проявлений патриотизма?

Как мог он, современник Крымской войны и войны 1877-78 г. г., говорить о том, что Русские Цари посылали свои войска “на убийство”, когда они защищали Родную Землю либо от чужеземных захватчиков или шли освобождать малые народы от вырезывавших их варваров?

За “обиду” какой королевы сражались когда-нибудь между собою русские, французы, немцы или англичане?

В 17 часов, 1-го октября с. г., в сороковой день безвременной кончины
МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ БУТКОВОЙ
на могиле покойной на кладбище Оливос будет отслужена
ПАНИХИДА, о чем сообщает убитая горем
семья Бутковых

С. Л. Войцеховский

Письма из Нью-Йорка 15.

“Шолохов понимает, что Гражданская война — это не война, а болезнь народа, болезнь, которую поражают как белые, так и красные, как большевики, так и антибольшевики. Неправда, что на одной стороне — добро и свет, а на другой — зло и тьма. Без понимания этого не может быть ликвидирован раскол в русском народе, не может быть достигнуто национальное единство... Можно ли заранее сказать, что дружба с Шолоховым не окажет никакого благотворного влияния на Хрущева?”

(Из статьи М. Корякова “Листки из блокнота”, “Новое Русское Слово” № 16971 от 6-го сентября 1959 года).

“Так точно дьяк, в приказах по-делей,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева”.
(А. С. Пушкин, “Борис Годунов”).

Приглашение Хрущева в Соединенные Штаты взбудоражило Америку. С тех пор, как в январе 1953 года генерал Айзенхауэр вступил в исполнение обязанностей президента, ни одно его решение не вызвало столько возражений и даже возмущения. Президент это, конечно, знает — недаром он так резко отнесся к статье своего предшественника, Гарри С. Трумана, назвавшего “уроном для его престижа” и свидание с Хрущевым и, особенно, ответную поездку Айзенхауэра в Москву. “Можно ли думать о престиже, — сказал президент журналистам, — когда надо думать о судьбе человечества”...

В этом столкновении Айзенхауэра с Труманом — ключ к тому, что многим кажется неожиданным изменением политики Вашингтона. Желание президента Соединенных Штатов избежать войны, совершенно очевидно, вызвано пониманием, точным знанием размеров самоистребления, на которое война обрекла бы человечество. Решение Айзенхауэра поговорить с Хрущевым — не политический маневр, в обычном смысле слова. Это приглашение есть та соломинка, за которую — согласно поговорке — готов схватиться утопающий. Если соломинка переломится, останется одно — приготовиться к неизбежному столкновению...

Статья Хрущева в октябрьском (уже выпущенном на рынок) номере американского журнала “Форэн Аффэрс” не сулит Айзенхауэру удачи. На все лады, в этой статье, Хрущев ставит Соединенные Штаты перед выбором: либо война, с применением термоядерной бомбы, либо “мирное сосуществование” коммунистического образа.

Слова Хрущева о “бессмысленных крестовых походах” — во второй части его статьи — поддаются, как мне кажется, двойному и даже тройному толкованию. В них можно видеть не только осуждение событий, не имеющих ни малейшего отношения к современности, но и намек на всякую войну — навеянный заглавием известной книги ген. Айзенхауэра — и в еще большей степени, на войну с коммунизмом, как учением безбожным. Как крестоносцам — поучает Хрущев американцев — нужно было не воевать с “неверными”, а “установить с ними миролюбивые отношения”, так и ныне свободный мир, все отличие которого от коммунизма состоит вовсе не в “разных религиозных верованиях и обычаях”, а “в более глубоком принципиальном различии, относящемся к выбору социального строя”. должен стремиться к “мирно-

му сосуществованию”. “Я повторяю, — сказано в заключительных строках статьи Хрущева, — есть только один путь к миру, один путь к преодолению существующего напряжения: мирное сосуществование”.

За отказ от войны Хрущев требует платы: прежде всего “независимости Западного Берлина”, другими словами — ухода американцев и их союзников из города, “независимость” которого вряд ли окажется после этого долговечной. В то же время, события в Лаосе наглядно предупреждают свободный мир, как коммунисты соблюдают условие Хрущева.

Русские эмигранты в Нью Йорке отнеслись к приезду Хрущева — почти без исключений — единодушно. Не только те, кто участвует в жизни многочисленных, но, увы, немногочисленных эмигрантских организаций, но и те, кто с ними не связан, отозвались на почин князя С. С. Белосельского и помогли общим действиям: обращения к президенту, к Нью-Йоркскому губернатору, к мэру города; рассылке резолюции объединившейся эмиграции; приготовлению листовок на английском языке для раздачи американцам.

Как всегда, когда русские противники коммунизма в Нью Йорке начинают действовать, в этих действиях и на этот раз было больше поспешной импровизации, чем старательной подготовки. Но это объясняется просто — нельзя требовать невозможного от тех, в большинстве случаев, очень не молодых и очень малочисленных людей, к которым, все больше, сводятся постоянные эмигрантские “кадры”.

Насмешка над ними часто бывает первым шагом по опасному пути...

На этом опасном пути неожиданно оказался один из русских писателей и публицистов в Соединенных Штатах, сотрудник радио-станции “Освобождение” и “Нового Русского Слова” Мих. Коряков.

После летнего перерыва его “Листки из блокнота” вновь появились в “Новом Русском Слове”. В этих статьях он, как бы мимоходом, коснулся и Хрущева, в связи с его приездом, и необходимости “преодолеть раскол”, отделяющий нас от коммунистов, “добиться национального единства”.

“Как раз в те дни, когда я был на Крэгсвилском пляже, — написал он 3-го сентября, — газеты сообщили о том, что Хрущев приглашен в Америку. Кучка эмигрантских пустозвонов, называющая себя не то “партией”, не то “союзом”, тотчас же выпустила директиву: если, дескать, Хрущев заявится нароком в какой-нибудь русский дом в Америке, не пускать ни в каком случае!”

Этот совет, данный эмигрантам, кажется, солидаристами. Корякову не понравился. “На мой взгляд, — пишет он, — наоборот, Хрущева стоило бы пригласить, скажем, вот сюда, в этот русский пансион на Крэгсвилском пляже, накормить его душистым рассольником из баранины, голубцами в сметане и сказать:

— Вот каких рачительных хозяев, вот каких предприимчивых, богатых русской смекалкой людей лишилась Россия... По чьей вине?”

После чего, очевидно, поев рассольника и голубцов, Хрущев пригласит предприимчивых русских эмигрантов вернуться на родину...

ХРУЩЕВ - АЙЗЕНХАУЭР

О том, что в САСШ растет широкое движение протеста против приезда в САСШ Хрущева, много писать не приходится. Американский народ в массе своей вообще настроен против коммунизма. В этом отношении особенно показателен был приезд в Америку м-ра Микояна, которого там иначе не называли как мясником и которого там при всяком удобном случае забрасывали гнилыми помидорами и тухлыми яйцами. Как известно, и как мы это уже отмечали в свое время, Микояна приветствовали пышными банкетными и торжественными речами в Америке только финансовые тузы и крупные промышленники, но эти тузы и эти промышленники — не американский народ и не о них идет речь.

Так и в данном случае, — когда пишутся эти строки, ряд влиятельных американских организаций ведет крупную кампанию в прессе, по радио и на телевизии, призывая американцев требовать от правительства, чтобы оно отложило на неопределенное время визит Хрущева в САСШ и отказалось от поездки президента Айзенхауэра в СССР.

Выдвигается длинный ряд убедительных соображений за отмену этих визитов, — по существу недопустимых и с государственной и с политической точки зрения.

Говорится и доказывается, что морально никак и ничем не может быть оправдано пожимание руки Хрущева, — того самого человека, который проводил кровавую чистку в Московской области в 1934-37 годах, затем на Украине в 1937-39 годах и который послал советские танки для кровавого подавления освободительного движения в Венгрии и совсем недавно в Тибете.

В некоторых американских газетах и журналах особенно твердо подчеркивается, что “если м-р Хрущев все же приедет, то он должен увидеть у нас только одни черные флаги и пустынные улицы”. В подобных обращениях к американскому народу указывается еще, что “мы, американцы, не можем и не должны своей пассивностью показать какую-то и в чем-то свою солидарность с коммунистами. Этой солидарности не было, нет и ее не может быть!”

Приводится и весьма показательное заявление бывшего американского президента Трумана, сказавшего журналистам: — “Я не понимаю, почему некоторые лица воображают, что коммунисты отказались от своей цели — установления всемирного господства”.

Это делкатное заявление Трумана американские журналисты толкуют, как указание на то, что на коммунистическом Олимпе в Москве ничего не изменилось, что посягательство мирового коммунизма уничтожить свободный мир

осталось в силе, что “с удовольствием” принять приглашение посетить Хрущева в Москве значит расписаться не только в своей слабости, но и в политической бестактности по отношению к свободному миру...

Тут же следует упомянуть, что выступление американского вице-президента Никсона в защиту приезда Хрущева в САСШ является очень слабым во всех отношениях. 1-го сентября тек. года в своей беседе с журналистами Никсон сказал, что “нет надобности отклонять визит м-ра Хрущева в Америку, — Хрущеву придется выслушать здесь прямой разговор о поддержке Советами красных китайцев в их агрессии в Лаосе и Индии”, что “президент скажет Хрущеву резко, что САСШ, не колеблясь, помогут атакованному свободным правительствам” и что “план Хрущева мирного сосуществования очевидно относится к его миру, но не к миру некоммунистическому”.

Все это теоретически, может быть, и так, но все это мелочь. Американский вице-президент опускает или обходит самое главное. А, именно, как увязать приезд Хрущева в САСШ и визит Айзенхауэра в СССР с тем государственным, политическим, общественным и экономическим разложением свободного мира, которое продолжает развиваться именно потому, что международный коммунизм в лице СССР приравнивается сегодняшними лидерами демократии к нормальным правовым и свободным державам мира?

Обмен визитами Хрущева-Айзенхауэра этот столь для всех осязательный процесс разложения свободного мира не останавливается и не остановит, а углубляет и углубит. Данный вопрос, кардинальный и ВСЕ решающий Вашингтон почему-то не освещает никак, а все время старательно засыпает его мусором текущих мелочей. Это-то положение наглядно катастрофического порядка и вызывает возмущение широких кругов американского общественного мнения, да и не только американского.

В наши путанные дни, если еще не для всех, то для очень многих наконец-то становится ясным основной момент текущей международной политики: — всякое дальнейшее сближение свободного мира с воинствующим коммунизмом ведет и приведет свободный мир к его уничтожению в бесправии.

Обратный процесс немислим в силу природного все-разлагающего свойства коммунизма. Уничтожить это страшное свойство коммунизма можно только ликвидацией коммунизма в целом, а не сближением с ним. Поймет ли это когда-нибудь Вашингтон, успеет ли он спасти себя и остаток свободного мира от самоуничтожения?..

М. М. Спасовский

EL INSTITUTO CULTURAL ARGENTINO-RUSO ANTICOMUNISTA
УСТРАИВАЕТ

7-го ноября с. г. — в годовщину Октябрьской революции

ТОРЖЕСТВЕННОЕ
ТРАУРНОЕ СОБРАНИЕ

О месте и часе СОБРАНИЯ будет объявлено дополнительно

Через три дня Коряков написал для того же “Нов. Рус. Слова” хвалу своему тезке, Мих. Шолохову. Этот писатель может, — так утверждает Коряков, — “сколько угодно говорить о том, что его сердце принадлежит партии; он чувствует и воспринимает жизнь отсюда не по-партийному; партийность, по самому смыслу слова, это — разъединенность, расщепленность, отсюда и абстрактные понятия о классах, тогда как Шолохов показывает глубокую и таинственную в своей первооснове сращенность всей народной жизни”.

Приписав Шолохову это качество и те мысли, которые я избрал эпиграфом к моему “Письму”, Коряков, очень осторожно, намекнул читателю на то, что сторонником “национального единства”, чего доброго, может оказаться не только Шолохов, но и сам Хрущев.

Скользкая мысль и скользкая дорож-

ка... Тоска по родине, волновавшая Корякова, когда он “сидел на Крэгсвилском пляже, прислушиваясь к шуму океана”, естественна и свойственна каждому русскому человеку, как долго бы он ни был оторван от России... Но не каждому из нас, слава Богу, свойственна болезнь, постигшая, очевидно, Корякова — нравственный дальтонизм, лишивший его способности отличать добро от зла и ждать блага, хоть самой малой доли блага от Хрущева и ему подобных.

Болезнь, постигшая Корякова, чаще всего, неизлечима... Чем скорее он вернется в Россию, налаживая “национальное единство” с Шолоховым и Хрущевым, тем будет лучше, если не ему самому, то по крайней мере, русской эмиграции, столь легко принявшей его — пятнадцать лет тому назад — в свою среду...

С. Л. Войцеховский

